

Раздел 1. ЛИНГВОЮРИСТИКА И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111, 81'272, 81'276.6:34, 81'42

С. В. Власенко, В. А. Заславская

ПОНЯТИЕ «ПРЕЦЕДЕНТ» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ПРАВЕ

S. V. Vlasenko, V. A. Zaslavskaya

THE CONCEPT OF 'PRECEDENT' IN TRANSLATION STUDIES AND LAW

В статье рассматривается понятие «прецедент» в переводоведении и праве. Понятие «прецедент» в праве характеризуется семантически устойчивыми признаками и длительностью употребления, в то время как понятие «переводческий прецедент» нельзя отнести к детально изученным. Актуальность выделения переводческого прецедента как проблемной зоны правовой лингвистики, включающей юридический перевод, обусловлена непрерывным ростом и профессионализацией двуязычной и многоязычной правовой коммуникации, в рамках которой генерируется массив словоупотреблений и терминопотреблений, не всегда совпадающих с устоявшимися отраслевыми и, в частности, юридическими оборотами, конструкциями и фигурами речи в контактирующих юридических языках. Приводятся примеры, иллюстрирующие правомерность акцентуации данного вопроса, решение которого может потребовать дальнейших исследований правовой культуры в аспекте ее взаимодействия с правовым языком и узуальными конвенциями разных отраслей права.

The article features the concept of 'precedent' in translation studies and in law. The concept of precedent in law is characterized by semantically sustainable bundle of properties and longtime usage, while the concept of 'translation precedent' cannot be said to have been thoroughly explored. The focus on the translation precedent as a distinct problem area in legal linguistics, which comprises legal translation, has been stipulated by the continuing increase in and professionalization of bilingual and multilingual legal communication. This interlingual communication is believed to generate an array of specialized lexis and technical terms of law that are lacking congruence with patterns of speech, constructions and wording formulas long established in interacting legal languages. Examples suggested are indicative of the need to emphasize the relevance of this issue whose detailed explorations can result in furthering studies in legal cultures in terms of legal-languages interaction and verification of interlingual usage conventions across various fields of law.

Ключевые слова: английский юридический язык, межъязыковая профессиональная коммуникация, конвенциональный узус, переводоведение, переводческий прецедент, правовая лакуна, правовая лингвистика, русский юридический язык, язык права.

Keywords: interlingual professional communication, conventional usage, judicial precedent, legal English language, legal lacuna, legal language, legal linguistics, legal Russian language, translation studies.

Рассмотрение понятия «переводческий прецедент» в сопоставлении с прецедентом юридическим обусловлено большим влиянием прецедента в переводоведении на

последующие переводческие решения и культуру перевода в целом. Так, в последней версии многоотраслевого и многоязычного электронного словаря АБВУ [25] предлагаемые варианты перевода, в том числе терминологических единиц, сопровождаются прагматической пометой *Found in translations* букв. «Найден [ы] в переводах». В этой связи значение прецедента употребления правового понятия в его нередко множественных речевых реализациях и в языке-источнике, и в языке-рецепторе ставит ряд вопросов, которые вписываются в объект изучения правовой лингвистики в части ее взаимодействия с правовой культурой, а также юридической речи и юридического перевода в многоаспектном диапазоне проблем.

В современных условиях представить себе переводчика или юриста, равно как и представителя иной профессии, не использующего электронные ресурсы, практически невозможно. Уже само наличие сформированных и постоянно пополняемых баз терминологических данных в двуязычных или многоязычных форматах отчетливо указывает на общепризнанную важность фиксации переводческих решений. Вместе с тем, в большинстве случаев терминологические системы привязаны к предметно-тематическим доменам отдельной корпорации, министерства, ведомства, международной организации (см., например, терминологическую базу ООН “UNTERM” [30] или супранациональной организации см. терминологическую базу Евросоюза “EuroVoc” [27]). Терминологические базы данных могут находиться в составе электронных юридических библиотек (среди прочих см. американскую базу данных “Lexicon” [29]). В этой связи характерно мнение В. Н. Шевчука, масштабно исследующего электронные ресурсы переводчика, о необходимости особого рассмотрения тех электронных средств, которые касаются использования программ переводческой памяти – Translation Memory (TM). Ученый относит этот вопрос к сложным и неоднозначным [11, с. 128]. Полагаем, что в контексте наших рассуждений понятна осторожность опытного переводоведа в отношении качества инвентаризованных в программах переводческой памяти решений и зафиксированных межъязыковых соответствий.

Юридические понятия представляют собой комплексные единицы знания, включающие национально-специфические знания об отношениях объектов восприятия, познания и регулирования. Вследствие этого их априорная национальная привязка, или своего рода страноведческий «привкус», выступает в качестве фактора семантического обременения в ситуациях межъязыковой профессиональной коммуникации. Примеры национально-специфических значений юридической терминологии, осложняющие юридический перевод, множественны (см. среди прочих [14; 18]). Рассуждая о юридическом переводе, американский правовед Дж. Эйнсворт (J. Ainsworth) называет юридические понятия в разных юридических языках «несоразмерными»; согласно ее мнению, универсальность вовсе не присуща юридическим языкам разных правовых систем [12, р. 52]. При этом ученая отмечает, что в эпоху глобализации растущая взаимозависимость понятий и институтов экономического права становится все более очевидной. Именно такая взаимозависимость повышает соразмерность правовых порядков в части регулирования торговли, общефинансовой, банковской, биржевой и других сфер экономики, обуславливая явление юридических трансплантатов (legal transplants) как институтов одной национальной правовой системы, перенесенных в другие правовые системы [Там же].

Проблемы терминологического означивания в конвенциональном узусе

Вопросы, касающиеся терминологического означивания в том или ином отраслевом узусе, сложны, поскольку они требуют одновременного понимания предметно-тематической сферы и знания речевых конвенций: устоявшихся выражений, конструкций и оборотов речи. При этом проблема заметно усложняется, когда означивание

происходит в контексте отраслевого перевода, в нашем случае – в контексте юридического перевода.

Достаточно иллюстративен следующий переводческий прецедент. Он связан с неверной семантической атрибуцией английской лексемы *oversight*, выступающей в роли доминантного слова в терминологическом словосочетании *parliamentary oversight*. Лексема *oversight* имеет следующие общеязыковые значения: *упущение, оплошность, недосмотр* [25]. Исходя из этих значений, лексикографы предлагают означивать терминологическое сочетание *parliamentary oversight* как *недосмотр со стороны парламента* [Там же]. Оставив в стороне стилистическую неприемлемость данного русскоязычного соответствия для юридической речи, отметим, что уже само наличие адъективной формы *parliamentary* с очевидностью переводит термин в зону действия отраслевых конвенций означивания, а именно конституционного (публичного) права и политики. Этому же способствует прагматическая помета данной словарной статьи *Politics*, которая также требует от лексикографов не только констатации области употребления, коих на самом деле три – политика, политология и право, но и переключения сознания на иные речевые конвенции означивания. Среди родственных словосочетаний, приведенных в этом же словаре, находим следующее: *oversight body – надзорный орган* [Там же]. Нахождение такой коллокации в словарной статье должно было бы привлечь внимание лексикографов к особенностям семантики лексемы *oversight*. Эта особенность заключается в амбивалентности, то есть одновременном присутствии в семном составе лексемы двух непересекающихся смысловых сущностей. Первая особенность обуславливает общеязыковые значения, указанные выше, а вторая включает семы *надзор, контроль (законодательный)*, сопровождающиеся прагматической пометой (юр.) [Там же]. Другими словами, лексикографы электронного словаря, создали прецедент русскоязычного означивания термина *parliamentary oversight*, в котором содержится компонент столь значимого для любой страны органа, – парламента. Создав подобный переводческий прецедент, автоматически подпадающий под сферу действия конвенций правового узуса, лексикографы не учли отраслевых конвенций и оставили без внимания сочетаемостный потенциал, имеющейся в той же самой словарной статье. Согласно предложенному в словаре варианту, термин трактуется как *недосмотр со стороны парламента*, вместо надлежащего *курирование со стороны парламента; парламентский контроль (здесь и далее по тексту перевод с английского наш. – С. В., В. З.)*. Соответственно, созданный лексикографами словаря переводческий прецедент неверен; он не только не может, но и не должен использоваться.

Приведенный пример – лишь единица из множества, побуждающего исследовать проблемы переводческого прецедента, в особенности прецедента в юридическом переводе. В связи с этим, представляется важным рассмотреть понятие юридического прецедента, который имеет многовековую традицию. В языке права фигурирует в основном термин судебный прецедент или прецедент без атрибутива, поскольку по умолчанию понятно, что система прецедентного права – это система примата судебных прецедентов, в которой *judicial precedents* аналогичен *precedents* [13, p. 923; 28, p. 275, 388]. Остановимся на природе прецедента в праве.

Прецедент в праве

Общеязыковое значение прецедента приводится в 4-томном словаре русского языка РАН, где понятие определяется как «решение суда или иного органа государственной власти, принимаемое за образец при разрешении сходных вопросов в правовой системе некоторых капиталистических государств» [24]. Специальное значение рассматриваемого понятия «Большой юридический словарь» определяет следующим образом: «судебный прецедент (от лат. *praecedentis* – предшествующий) – вынесенное судом по конкретному делу решение,

обоснование которого становится правилом, обязательным для всех судов той же или низшей инстанции при решении аналогичного дела» [20, с. 592].

По мнению американского юриста К. С. Лобингиера, прецедент считается предком всех писанных законов в истории человечества. Исторически после появления письменности первые записи, которые можно было отнести к правовым, касались именно записей решений, со временем становившихся обычаями. Обычай же – наиболее древняя форма закона, формировавшая самые первые прецеденты. Именно так сложились древнейшие правовые системы – древнекитайская, шумерская, ассирийская, вавилонская. Однако прецеденты перешли не во все правовые системы. В современном мире прецедентное право представлено, в основном, в так называемых странах общего права, к которым относятся Англия, Соединенные Штаты Америки, Австралия и др.; в них прецедент сложился исторически гораздо позднее, чем в Римской империи [16, с. 955].

Романо-германская семья (континентальное право). В классическом римском праве широко применялось и постоянно создавалось то, что сейчас называется прецедентом в самом широком смысле. Так называемый «обычай» служит наиболее ярким примером источника обычного права, тогда как интерпретация, толкование и разъяснение значения каждого из обычаев понтификами было ничем иным, как древнейшим примером прецедента в романо-германской правовой семье. Страны, относящиеся к этой семье, включают Австрию, Германию, Францию и Швейцарию, но, по сути, в эту семью входят все страны континентальной Европы, вследствие чего эта система также называется континентальной. Как отмечает И. Ю. Богдановская, «со времен римского права судебное правоположение признавалось, если оно подтверждалось несколькими судебными решениями. То, что суды в течение определенного времени следовали выработанной ими же позиции, позволяло надеяться, что и в дальнейшем они будут ее придерживаться» [2, с. 76]. Правовед далее отмечает, что «данный подход получил различное развитие в странах «общего права» и романо-германского права. Правовые системы романо-германской семьи, провозглашая преемственность традиций римского права, все же отказались от «активной казуистики» в пользу писаного права. Они признали концепцию *res judicata*, согласно которой судебное решение является обязательным только для сторон, участвующих в деле. Судебное решение было признано юридическим фактом. Однако эти основополагающие положения имели различное выражение в праве стран континентальной Европы» [Там же]. И. Ю. Богдановская далее указывает на ряд стран, например, на ФРГ и Австрию, где законодательно установлено, что право не создается посредством судебных решений; во Франции используется доктрина прецедента лишь частично и в ограниченном объеме; а в Швейцарии прецедент может использоваться лишь в случае пробела в законе, когда судья должен действовать так, как если бы он был законодателем, следуя при этом господствующей доктрине и традиции; таким образом, современные страны романо-германской системы не признают судебный прецедент в качестве источника права [там же].

Англо-американское право (общее право). В англо-американской правовой системе администрация правосудия в значительной степени основана на действии принципа *stare decisis et non quita movere* (букв. «стоять на решенном и не нарушать спокойствие» [23, с. 757]. В одном из словарей весь латинский фразеологизм приравнивается к сокращенной форме как понятийной основе – *stare decisis* – с аналогичным значением на русском: *обязывающая сила прецедентов (при выработке решения суда)* [22, с. 754], а терминосочетание *stare decisis doctrine* трактуется как доктрина судебного прецедента [там же]. Несколько иначе по форме, но концептуально близко, объясняется данный принцип в лингвострановедческом словаре «Американа»:

stare decisis (юр., лат.) – *стоять на решенном* («принятое решение остается в силе»);

принцип общего права, применяемого в США, согласно которому решение, принятое судом более высокой инстанции (обычно Верховным судом США или штата), имеет силу прецедента и становится обязательным для всех аналогичных дел и для всех судов низшей инстанции и остается таковым до принятия нового решения с отменой предыдущего ([Americana 1996], цит. по: [25]).

В Англии прецедент признавался и применялся еще кельтским населением во времена, предшествовавшие заселению английских земель англосаксами. В период XIII–XVI веков, а именно с 1290 по 1535 гг., прецедент также упоминался в судебных ежегодниках, хотя в содержании решений и присутствует ряд противоречий [16, с. 958]. Вероятнее всего, это связано с тем, что до некоторого момента судьи учитывали предыдущие решения, но не были ими связаны. С течением времени тенденция к обязательному следованию принципу *stare decisis* стала бесспорной, а в Канаде, Новой Зеландии и Австралии доктрина *stare decisis* нашла повсеместное применение.

В настоящее время правовая система США в значительной степени основана именно на прецедентах, хотя в период Американской революции в Нью-Джерси (1799 г.), Кентукки (1807 г.) и Пенсильвании (1810 г.) существовали законы, прямо запрещающие применение английских прецедентов для решения дел в суде [19, р. 103]. Тем не менее, уже к 1895 г. стало понятно, что система прецедентов, слишком глубоко укорененная в недрах правовой традиции США, стала важнейшей частью ее правовой системы. Таким образом, справедливо полагать, что значение прецедента выросло, а применение – возросло, несмотря на то, что в академических кругах существовали противники доктрины *stare decisis* [16, р. 962]. Согласно А. А. Иванову, прецедентная система распространяется гораздо шире англосаксонской системы права, затрагивая и многие страны континентального права [4, с. 4].

Как «работает» юридический прецедент

Формально считается, что суд не создает нового права, а основывает свои решения на уже существующих нормах права, при необходимости разъясняя их и модифицируя под конкретные обстоятельства. Следование судами предыдущим судебным решениям объясняется, в первую очередь, намерением упрочить стабильность и ясность правоприменения; в России этот латинский принцип более известен как *следование единообразию судебной практики*. Существуют две схемы работы прецедента: традиционная и современная. Вслед за британским юристом К. Ливелином, И. Ю. Богдановская отмечает, что при традиционной схеме судебный прецедент возникает тогда, когда существует несколько однотипных решений [2, с. 76]. В настоящее время традиционная схема практически не применяется.

Современная схема основана на иерархическом принципе, в котором различают вертикальный и горизонтальный подход. Вертикальный подход предполагает, что решения вышестоящих судов обязательны для нижестоящих в рамках одной судебной системы, а согласно горизонтальному подходу, суды обязаны придерживаться свои предыдущих решений. Проиллюстрируем вертикальную иерархию примером установленной в Великобритании практики: (а) решения, выносимые палатой лордов, составляют обязательные прецеденты для всех судов и для самой палаты лордов; (б) решения, принятые апелляционным судом, обязательны для всех судов, кроме палаты лордов; (в) решения, принятые Высоким судом правосудия, обязательны для низших судов и, не будучи строго обязательными, имеют весьма важное значение и обычно исполняются в качестве руководства различными отделениями Высокого суда [2, с. 77; 8, с. 97].

Вертикальная иерархия прецедентов представляет наибольший интерес, поскольку фактически подобные прецеденты имеют такую же юридическую силу, как нормативно-правовые акты. Однако в рамках правовой доктрины прецедента не

генерируются правила, которые бы на практике не могли быть отменены или изменены по воле принявшего их органа. В случае с нормативным правом для отмены акта требуется рассмотрение вопроса об отмене акта законодателем и вынесение соответствующего решения, а для изменения содержания акта, т. е. внесения поправок в акт, в большинстве правопорядков необходимо создавать комиссии при законодательном органе, которые занимаются оценкой и доработкой потенциальных поправок, а затем снова проводится процедура принятия поправок, аналогичная процедуре принятия самого акта.

Прецедент же создается судом, точнее, прецедентом считается не само решение, а общая норма, сформулированная судом, которая позднее будет применяться при рассмотрении дел со схожими обстоятельствами. В структуру прецедента входят части, которые по латыни называются *ratio decidendi*, означающие «само правило, сформулированное судом» [23, с. 671], и *obiter dictum*, означающие «сопровождающие обстоятельства, обосновывающие решение суда» [там же, 565]. Согласно британскому юристу Р. Кроссу, *ratio decidendi* является правовой нормой, которая прямо или опосредованно рассматривается судьей, составляет либо необходимый шаг в формулировании вывода, соответствующего принятым им ранее доводам, либо необходимую часть его указаний присяжным [15, р. 34]. Существуют прецеденты, в которых нет *obiter dictum*.

Как известно, страны англо-американской правовой системы – Англия, США, Канада, Австралия и др. – принадлежат к системе общего права. Характерной чертой правовых систем этих стран, в наибольшей степени использующих систему прецедента, являются нормативные акты, сформулированные в общем плане, зачастую на уровне общих понятий. Считается, что для суда достаточно принципов, на основе которых суд вынесет решение по каждому конкретному делу, принимая во внимание фактические обстоятельства и принцип разумности и справедливости. Прецедентное право по отношению к нормативному является второстепенным. Существует правовой принцип, согласно которому прецедент становится неприменим и теряет силу, если он противоречит закону. Вследствие этого, в странах с прецедентным правом любой правовой институт принято рассматривать как совокупность нормативного и прецедентного регулирования. Если же прецедент не противоречит закону, то с течением времени «авторитет» прецедента только возрастает.

Чем «старше» прецедент, тем меньше вероятности, что он будет отменен.

Другая причина потери силы существующим прецедентом – это его отмена вышестоящим или создавшим его судом. В этом случае считается, что отменяемое прежнее решение было вынесено в результате неверного понимания права, а заключенная в нем правовая норма как бы никогда не существовала. Так, Р. Кросс отмечает этой связи, что «английская доктрина прецедента составляет «золотую середину» между чрезмерной гибкостью и чрезмерной жесткостью, дабы сохранить устойчивую совокупность принципов, и гибкость – дабы приспособливаться к меняющимся нуждам общества» [6, с. 65].

Если сравнить статус прецедента в Англии и в США, то в Соединенных Штатах (а) конституция имеет верховенство над всеми другими источниками права, включая прецедент; в то время как в Англии не существует писаной конституции [3, с. 81, 86] («не писанные конституции содержатся в конституционных соглашениях, судебных прецедентах, в актах парламента» [там же, с. 80]); (б) действует принцип судебного контроля за конституционностью всех без исключения законов, как локальных, действующих на уровне отдельных штатов, так и федеральных. На практике это означает, что законы полностью не интегрируются в правовую систему страны до тех пор, «пока их значение не уточнено судебными решениями» [1, с. 207].

Примеры юридических прецедентов

Судебные прецеденты вне судов. Действие судебных прецедентов может выходить за рамки судов и рассмотрения дел, если фактические обстоятельства дела к этому располагают. Проиллюстрируем это суждение на примере двух, ставших классическими, судебных прецедентов – английского и американского.

Прецедент ‘mailbox rule’. Правило mailbox rule, называемое так же postal rule и известное в России под названием «теория почтового ящика» [17, р. 42], означает, что договор считается заключенным с момента отправки, а не с момента получения акцепта. Это правило возникло впервые в английском прецеденте 1818 г. в деле “Adams v Lindsell (1818)” [31]. Правило было воспроизведено в США в нормативной форме в параграфе 7502 главы 26 Кодекса США [34], а позже в Калифорнии появилось исключение к этому правилу, которое содержалось в прецедентном (для Калифорнии) решении суда по делу “Palp Alto Town v. ВВТС 1974” [33].

Прецедент ‘Miranda warning’. Правило, известное как Miranda Warning (букв. «Предупреждение Миранды»), означает, что во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правоохранительного органа обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли задерживаемый сказанное. Правило возникло из судебного дела “Miranda v. Arizona, 384 U.S. 436 (1966)” [32]. С момента принятия решения по этому делу все сотрудники правоохранительного органа США обязаны уведомлять задерживаемого о правах в соответствии с установленной формулой, в которой обязательно присутствуют следующие сведения:

- задержанный вправе хранить молчание;
- все, что скажет задержанный, может быть и будет использовано в суде против него;
- задержанный имеет право на адвоката до и во время допроса;
- если задержанный не может позволить себе оплатить услуги адвоката, адвокат будет предоставлен ему бесплатно.

Кроме того, сотрудник правоохранительного органа обязан осведомиться, понял ли задержанный свои права и готов ли отвечать на вопросы без адвоката. В случае нарушения сотрудником этого правила, ничто из сказанного подозреваемым не может использоваться как доказательство его вины. Позже это правило было воспроизведено в Австралии и Новой Зеландии, Израиле, Канаде, Украине, на Филиппинах и в других странах.

Оба описанных правила были положены в основу рассмотренных прецедентных решений и формально не являются источниками права, обязательными для иных институтов, кроме судов. Однако фактически эти правила обязательны и будут иметь юридическую силу при рассмотрении дел судом вне зависимости от усмотрения суда [17, р. 44].

Подытоживая сказанное о юридическом прецеденте, полагаем целесообразным сослаться на авторитетное мнение А. А. Иванова, согласно которому «в прецедентной системе судебные акты «перерастают» уровень конкретного правоотношения, начинают применяться многократно, а иногда и вовсе приобретают качество нормативности. Однако тезис о том, что судебный прецедент – такая же норма права, как и та, что закреплена в законе, вряд ли может считаться верным» [4, с. 4].

Прецедент в переводоведении

В лингвистике к языковым фактам относят такие случаи и формы словоупотребления языковых единиц и речевых формул, которые характеризуются высокой частотностью и, как следствие, широко воспроизводимы. Часто воспроизводимые единицы фактически и являются прецедентами языкового словоупотребления. Что касается переводоведения, под переводческим прецедентом представляется возможным понимать такой пример перевода,

который является показательным в части переводческой техники и мастерства перевода в условиях реальной переводческой практики. Прецедентом в переводоведении можно считать не всякий конкретный пример перевода, а именно иллюстративный с точки зрения переводческого решения, которое обеспечило адекватный языковой переход с языка оригинала на язык перевода [21, с. 77–78].

Так, Л. К. Латышев указывает на важность накопления и классификации переводческих прецедентов, что, по его мнению, имеет значение не только для теории, но и для практики перевода [7, с. 148]. В частности, переводовед отмечает, что «сопоставительное изучение оригиналов и переводов позволяет выделить более специфические случаи расхождений, а на их основе обозначить и охарактеризовать специальные переводческие приемы» [Там же]. Иными словами, Л. К. Латышев предлагает использовать индуктивный метод для анализа переводческих прецедентов. Однако в контексте данной статьи появляется закономерный вопрос о том, с какими именно значениями слов работают переводчики, если предметно-тематическим доменом является право, а дискурсивным пространством соответственно – правовая коммуникация. Приведем пример перевода, предложенный американским компаративистом-цивилистом К. Осаке. По его мнению, родовое понятие право в системе англо-американского права может быть представлено в виде следующей суммы согипонимов:

- *common law, case law, statutory law, law of the parties* [9, с. 64].

Возможность семантического разложения термина право на непосредственные составляющие прямо указывают на его статус гиперонима и на наличие фундаментальной правовой лакуны сразу «при входе» в правовую концептосферу англо-американского права для представителей других правовых систем. В этой связи не менее показателен еще один пример перевода, который приводит К. Осаке:

- *Anglo-American franchise – коммерческая концессия* [9, с. 65].

По убеждению К. Осаке, именно терминологическое сочетание *коммерческая концессия*, а не *франчайзинг*, позволяет передать правовой смысл исходного англо-американского терминологического сочетания. Правовой смысл в этом и подобных случаях должен быть совместим, или соразмерим (в терминах Дж. Эйнсворт), с понятием той правовой системы, которую обслуживает язык-рецептор. При этом степень такой соразмерности, бесспорно, способна варьироваться в определенном диапазоне.

Как должен работать переводческий прецедент

В переводоведении двуязычные соположенные варианты, т. е. пары текстов или отдельных текстовых единиц оригинала и перевода, в которых вариант на языке перевода выбран на основе либо устойчиво применимого, традиционного для данной языковой пары правила межъязыкового перехода, либо нетрадиционного переводческого решения, обусловленного контекстом, дискурсом, коммуникативной целью или иными прагматическими факторами, может являться иллюстративным для последующей практики перевода и тактики переводческих решений в аналогичных или подобных дискурсивных ситуациях.

Одним из наиболее показательных примеров переводческих прецедентов, как указано ранее, является словарное значение термина в двуязычном словаре; именно оно выступает в качестве прецедента общезыкового понимания и межъязыкового перевода. Рассмотрим пример, позволяющий оценить важность прецедентного наименования, а именно – единицы международно-правовой номенклатуры:

- *Dispute Settlement Understanding = DSU* (док, межд. эк.) – Договоренность [соглашение] по разрешению [урегулированию] споров (международное соглашение,

регулирующее порядок разрешения международных споров в рамках ВТО; часть пакета документов об образовании ВТО; полное название – «Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров») [25].

Вызывает вопрос тот факт, что прагматическая помета содержит две существенные неточности: (1) неполное указание на предметно-тематический домен, а именно: указан домен «международная экономика» и отсутствует указание на домены «международное право» и «международная торговля», (2) некорректность названия, а именно: «документ» вместо «международное соглашение» как международный инструмент. Первая неточность, связанная с пропущенными доменами, сокращает узус термина и предопределяет вторую неточность. Вторая неточность в контексте международного права недопустима, поскольку положения международного соглашения (договора, пакта, конвенции) обязательны для исполнения всеми странами-подписантами в своих национальных юрисдикциях. Подобная недооценка статуса международного инструмента изначально сокращает нишу международной номенклатуры единиц, к которой принадлежит данный «документ», лишая пользователей словаря возможности пополнить знания, приобщившись к правильной постановке вопроса в международно-правовом контексте.

В этой связи уместно мнение правоведа В. Б. Исакова, указывающего на «постоянные проблемы, связанные с адекватным переводом на русский язык многосторонних международных документов, к которым присоединяется Российская Федерация» [5, с. 94]. И далее ученый отмечает, что «совершенство юридических текстов и их терминологическая чистота во многом определяются «интеллектуальной вооруженностью» законодателей, ученых, разработчиков, экспертов. К сожалению, круг специальных словарей и справочников, ориентированных на потребности законодательной практики, весьма узок» [там же, с. 94].

Общеизвестно, что любой двуязычный словарь содержит не одно, а несколько значений для в словарной статье, даже если слово не является многозначным. Данное положение относится как к единицам общезыкового пласта лексики, так и к единицам языков для специальных целей. Учитывая тенденции словообразования в современном английском, обращаемся к новой лексической единице международного права *peace-inner*, для которого АВВУУ предлагает значение *участник демонстрации в защиту мира* [25]; примечательно, что прагматическая помета к данному термину указывает на политический узус – *Politics*. Стремление понять, каким образом такое словосложение может давать предложенное значение побуждает нас изучить и другие словарные статьи с лексемой *inner* в указанном словаре. Среди прочих сочетаемостных потенций лексемы в общезыковой сфере находим следующие:

- *inner* – (полигр.) внутренняя сторона листа; (пищ.) тарный вкладыш; (пищ.) птичий потрошок [25].

Вполне понятно, что ни полиграфическая, ни тем более пищевая сферы употребления не могли дать лексикографам возможность отнести анализируемую лексему к политике. Товароведческая сфера также не способствует пониманию внутренней формы лексемы:

- *inner pack* (торг.) – внутренняя [первичная] упаковка (упаковка, которая находится в непосредственном контакте с изделием) Syn: *primary package* [25].

Словосочетаниями, проливающими свет на возможность отнесения лексемы к политическому узусу, являются следующее:

- *inner politics* – *Economicus* (En-Ru) = *domestic politics* = *internal affairs* – внутренняя политика [25];

- *inner cabinet* – *Politics* (En-Ru) – кабинет министров в малом составе; кабинет (министров) в узком составе [25];

- *inner club* – *Politics* (En-Ru) – группа влиятельных конгрессменов в палате представителей и Сенате [25].

Укажем, что среди рассмотренных словосочетаний лексемы встретилось много относящихся к политехнической сфере. Вернемся к сложносоставной лексеме *peace-inner* со значением *участник демонстрации в защиту мира*. Приведенные выше словосочетания не дают прямой референциальной отсылки ни к защите мира вообще, ни к сторонникам защиты мира, в частности; другими словами, предложенное словарное соответствие представляется спорным. Исходя из приведенных примеров, можно предложить ряд других значений для сложносоставной лексемы, например, *участник правозащитной организации, ратующий за сохранение мира; участник движения в поддержку разоружения* и т.п.

Главная цель в практике отслеживание переводчиком прецедентов перевода – это систематизация переводческого опыта. Самоочевидна востребованность изучения переводческих прецедентов как характерных примеров двуязычных соответствий, на основе которых создаются двуязычные словари, отбираются варианты словоупотреблений, причем подобное изучение с последующим анализом и оценкой следует распространять не только на аспирантов и докторантов, но и на правоведов, преподавателей дисциплин юридического цикла и практикующих юристов, а также на представителей филологических специальностей – лингвистов, переводоведов, аналитиков, юрислингвистов как специалистов по судебной лингвистической экспертизе. Совершенствование методов систематизации переводческих прецедентов позволит в будущем заметно повысить качество двуязычного перевода в контактирующих парах языков.

Заключение

В заключение представляется возможным сделать два вывода в отношении корреляции понятий переводческого и судебного прецедента. Первый вывод касается позитивности опыта отслеживания переводческих прецедентов как инвентаризации определенного числа качественных переводческих решений. Опыт отслеживания переводческих прецедентов особенно ценен, когда речь идет о сложных предметных контекстах, связанных с передачей междисциплинарных или метадисциплинарных знаний. Второй вывод связан с давно назревшей необходимостью принципиально позиционировать переводческий прецедент как факт индивидуального и (или) коллективного сознания и предметно-деятельностного опыта, значимость которого подлежит верификации во времени. Только со временем тот или иной переводческий прецедент может претендовать на статус универсального, узкоспециального или окказионального, т. е. пройдя проверку временем, войти в словарные издания с соответствующими прагматическими пометами. Именно такая постановка вопроса сближает понятия юридического, и переводческого прецедентов.

В качестве общего вывода можно предложить рассматривать прецеденты юридического перевода как языковые факты, фиксирующие не только индивидуальное переводческое сознание, компетенцию и профессиональный опыт, но и как возможные, но вовсе не обязательные ориентиры при принятии другими юридическими переводчиками решений в других институциональных условиях, в рамках, вероятно, другой дискурсивной практики и других коммуникативных контекстов. При этом учет узуальных конвенций выступает детерминантом окончательного переводческого решения.

Можно ожидать, что, как и юридический прецедент, шагнувший значительно шире своей изначальной практики применения, переводческий прецедент станет объектом все стороннего изучения, тем самым демонстрируя большой охват отраслевого переводоведения как научной дисциплины и юридического перевода как набора множественных дискурсивных практик. Вполне очевидно, что приведенных в статье примеров недостаточно для иллюстрации правомерности вопроса о значении переводческого прецедента в переводоведении и что понимание этого значения потребует дальнейшего исследования правовой культуры в аспекте ее взаимодействия с правовым языком и узуальными

конвенциями разных отраслей права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богдановская, И. Ю.** Закон в английском праве / И. Ю. Богдановская; РАН, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1993. – 235 с. (Юридические науки).
2. **Богдановская, И. Ю.** Эволюция судебного прецедента в «общем праве» / И. Ю. Богдановская // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – No 2. – С. 75 – 87. – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/2011/11/02/1270171891/2-2010-9.pdf> (дата обращения: 13.03.2015).
3. **Богдановская, И. Ю.** Классификация конституций стран «общего права» / И. Ю. Богдановская // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – No 1. – С. 80 – 90. – Режим доступа: <http://law-journal.hse.ru/data/2013/02/23/1306542300/Право%202012-1-9.pdf> (дата обращения: 20.11.2014).
4. **Иванов, А. А.** Речь о прецеденте / А. А. Иванов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – No 2. – С. 3 – 11. – Режим доступа: <https://law-journal.hse.ru/data/2011/03/01/1211539066/2-2010-3.pdf> (дата обращения: 20.11.2014).
5. **Исаков, В. Б.** Правовые словари и терминосистемы / В. Б. Исаков // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.). – Н. Новгород: Нижегородский исследовательский науч. - прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 86 – 101.
6. **Кросс, Р.** Прецедент в английском праве / Р. Кросс; пер. с англ.; под общей ред. Ф. М. Решетникова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 238 с.
7. **Латышев, Л. К.** Перевод: Теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
8. **Максимов, А. А.** Прецедент как один из источников английского права / А. А. Максимов // Государство и право. – 1995. – No 2. – С. 97.
9. **Осакве, К.** Каноны грамотного юридического перевода: Размышления компаративиста-цивилиста на примере сравнительной цивилистики / К. Осакве // Право и управление. XXI век / МГИМО, Международный институт управления. – 2011. – No 2 (19). – С. 61 – 65.
10. **Прецедент** // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3: П – Р. – С. 387 – 388.
11. **Шевчук, В. Н.** Электронные ресурсы переводчика / В. Н. Шевчук. – М.: Либрайт, 2010. – 136 с.
12. **Ainsworth, J.** Lost in translation? Linguistic diversity and the elusive quest for plain meaning in the law / J. Ainsworth // L. Cheng, King Kui Sin and A Wagner (eds.) The Ashgate Handbook of Legal Translation. – Farnham, UK: Ashgate Publishing Group Ltd., 2014. – P. 43 – 56.
13. **Bell, J.** Precedent / J. Bell // P. Cane and J. Conaghan (eds.). The New Oxford Companion to Law. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 923.
14. **Chromá, M.** Semantic and Legal Interpretation: Two Approaches to Legal Translation / M. Chromá // Bhatia, V.K., Candlin, C. N., and P. E. Allori (eds.). Language, Culture and the Law: The Formulation of Legal Concepts across Systems and Cultures. – Bern, Berlin [et al.]: Peter Lang, 2011. – P. 303 – 315. (Linguistic Insights. Studies in Language and Communication).
15. **Cross, R.** Precedent in English Law / R. Cross, J. Harris. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 34.
16. **Lobingier, C. S.** Precedent in Past and Present Legal Systems / C. S. Lobingier //

Michigan Law Review. Jun 1946. – Vol. 44. – No. 6 (June 1946). – P. 955 – 996. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/1283471> (дата обращения: 11.12.2015).

17. **Mehren, A. T.** Von. Law in the United States. 2-nd ed / A. T. von Mehren, P. L. Murray. – New York, NY: Cambridge University Press, 2007. – 342 p.

18. **Šarčević, S.** Challenges to the Legal Translators / S. Šarčević // P. M. Tiersma and L.M. Solan (eds.) The Oxford Handbook of Language and Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 187 – 199.

19. **Warren, C.** A History of the American Bar / C. Warren. – New York: H. Fertig, 1911. – Режим доступа: <https://ia700404.us.archive.org/31/items/historyofamerica00warr/historyofamerica00warr.pdf> (дата обращения: 13.03.2015).

Лексикографические издания

20. **Большой юридический словарь.** – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М., 2008. – 858 с.

21. **Власенко, С. В.** Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь / С. В. Власенко // С. В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 16 – 90.

22. **Пивовар, А. Г.** Большой англо-русский юридический словарь / А. Г. Пивовар. – М.: Экзамен, 2003. – 864 с.

23. **Пивовар, А. Г.** Англо-русский юридический словарь: право и экономика / А. Г. Пивовар, В. И. Осипов. – М.: Экзамен, 2003. – 864 с.

24. **Словарь русского языка: в 4 т.** / РАН, Ин-т лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3: П. – Р. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma338733.htm> (дата обращения: 11.12.2015).

25. **АВВУ 2014: АВВУ LINGVOx6: Electronic Multilingual Dictionary, АВВУ Software Ltd., 2014.** – Режим доступа: www.Lingvo.ru (дата обращения: 11.12.2015).

26. **Cane, P.** (eds.) The New Oxford Companion to Law / P. Cane, J. Conaghan. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

27. **EuroVoc: EuroVoc: EU's Multilingual and Multidisciplinary Thesaurus.** – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/browse/eurovoc.html> (дата обращения: 11.12.2015).

28. **Gifis, S. H.** (ed.) Law Dictionary. 5-th ed. / S. H. Gifis. – New York: Barron's Legal Guides Inc., 2003. – XV, 568 p.

29. **Lexicon: Electronic Law Library's LEXICON.** – Режим доступа: <http://www.lectlaw.com/def/d071.htm> (дата обращения: 11.12.2015).

30. **UNTERM: Терминологическая база данных ООН.** – Режим доступа: <http://unterm.un.org/> (дата обращения: 11.12.2015).

Цитируемые источники права и судебная практика

31. **Adams v. Lindsell** (1818) 1 Barnewall and Alderson 681. – Режим доступа: http://www.west.net/~smith/Adams_v_Lindsell.htm (дата обращения: 11.12.2015).

32. **Miranda v. Arizona**, 384 U. S. 436 (1966). – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/436/case.html> (дата обращения: 11.01.2016).

33. **Palo Alto Town & Country Village, Inc. v. BBTC Company**, 11 Cal.3d 494 (1974). – Режим доступа: <http://scocal.stanford.edu/opinion/palo-alto-town-country-village-inc-v-bbtc-company-30285> (дата обращения: 11.12.2015).

34. **U. S. C.: 26 U. S. Code § 7502 – Timely mailing treated as timely filing and paying.** – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/7502> (дата обращения: 11.01.2016).

